

H. HUNGER. PROOIMION. ELEMENTE DER BYZANTINISCHEN KAISERIDEE
IN DEN ARENGEN DER URKUNDEN.

Wiener byzantinistische Studien, Bd. I. Wien, 1964, S. 260.

Казалось бы, только причуда рецензента могла объединить две эти книги, основанные на совершенно разнохарактерных источниках. Действительно, книга шведского филолога Густава Карлссона — публикация с переводом и обширным комментарием отдельных памятников византийской эпистолографии X в. на базе нескольких рукописей, главным образом известного Патмосского манускрипта № 706¹; используя эти новые тексты, Карлссон стремится дать общую характеристику византийского эпистолографического жанра. В книге австрийского ученого Герберта Хунгера анализируются преамбулы императорских указов — от государей эпохи принципата (Нерва, Адриан, Каракалла) до последнего правителя Византии — Константина XI (XII)²; новый рукописный материал — формулы преамбулы по рукописи Palatinus gr. 356 — не составляет главного источника книги и приведен (с немецким переводом) в приложении (стр. 217—245). Разные хронологические рамки, разные источники, разная структура — что же общего между этими книгами?

В очень интересном введении к своей работе Хунгер пишет о том, что исследователи XIX в. с пренебрежением относились к императорским преамбулам, ставя им в упрек отсутствие реального содержания и трафаретность выражений. Напротив, люди XX столетия понимают, что трафаретные формулы канцелярского языка — не просто недостаток вкуса, но специфическая манера выразить свои идеи, особая форма пропаганды (стр. 15). Классификация этих формул, обычно не связанных с содержанием документа, приобретающих самостоятельное бытие (стр. 212), и должна, по мнению Хунгера, дать представление об официальной византийской идеологии императорской власти. Устойчивые штампы составляли, согласно его словам, «элементы идеи императорской власти», куда входило учение о божественности василевса³, о его постоянной заботе о подданных, о его справедливости, человеколюбии и т. п. То, что казалась К. Крумбахеру и его современникам бессодержательным, на самом деле оказывается определенной системой взглядов, рассчитанной на то, чтобы внушать подданным соответствующие суждения, — я бы сказал, определенным элементом византийской общественной психологии.

И именно этот внутренний смысл книги Хунгера — стремление обнаружить общественный смысл трафаретных, повторяющихся формул — роднит ее с работой шведского исследователя. Карлссон также начинает с того, что констатирует «деконкретизацию» письма (стр. 14 сл.), освобождение эпистолографического жанра от реального, конкретного содержания; он прослеживает, как в абстрактных формулах посланий выражается целостная «теория дружбы» (стр. 21 сл.), понимаемой как мистическое единство корреспондентов (стр. 59 сл.), преодолевающее пространство и время. И подобно религиозной мистике, мистика византийской дружбы находит свою словесную реализацию в терминах, связанных с сексуальным влечением, с «любовной магией» (стр. 99 сл.).

Следовательно, опять-таки то, что на первый взгляд кажется бессодержательным набором повторяющихся формул, выражает общественную психологию, коллективные представления. «Деконкретизация» письма — не результат творческого бесплодия и даже не следствие того, что конкретные сведения надлежало сообщить посланцу, «одушевленному письму» (стр. 17); в этом обстоятельстве выражается общая тенден-

¹ Уже в 1960 г. письма X в. из Патмосского кодекса и Лаврской рукописи Ω 126 были изданы почти полностью: J. Darrouzès. *Epistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris, 1960. Все письма, издаваемые Карлссоном заново, — кроме послания Феодора Дафнопата (стр. 117 сл.) — опубликованы Даррузесом (II, 111; V, 12, 14, 17, 21, 23; VIII, 17; IX, 19, 41, 44). Неизданное письмо Михаила Италика Продрому, о котором Карлссон говорит на стр. 66, ныне уже издано целиком: R. Brown in g. *Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos*. — *Byzantinobulgarica*, 1, 1962, p. 283—286.

² Следуя за Б. Зинововицем, Хунгер называет этого государя Константином XII (стр. 27) — однако правомерность гипотезы Зинововица теперь ставится под сомнение: см. J. П а д р и а н о с. Да ли је Константин Ласкарис био византијски цар? — ЗРВИ 9, 1966, 217—221.

³ Очень интересно вместе с тем наблюдение Хунгера (стр. 154), что эпитет «спаситель» никогда в преамбулах не прилагается к императору. Однако, пересказывая грамоту Андроника I, Никита Хониат употребляет формулу «спаситель ромеев» (N i c. S h o n., p. 437. 14. Ср. еще p. 299 7—8, 456. 21, 492. 14—15). Уже после завершения этой рецензии вышло в свет дополнение к книге Хунгера: R. B r o w n i n g. *Notes on Byzantine Prooimia*. Wien, 1966.